

УДК 821.111-31(73)
ББК 84 (7Coe)-44
К33

Lauren Kate
Fallen

Печатается с разрешения литературных агентств
Upstart Crow Literary Group, Inc
и The Van Lear Agency LLC

Кейт, Лорен.

К33 Падшие / Лорен Кейт; [пер. с англ. И. Смирновой]. — Москва: Издательство АСТ, 2018. — 416 с.— (Падшие).

ISBN 978-5-17-096607-3

Загадочная смерть близкого друга почти разрушила Люс. От горя девушка становится неуправляемой и оказывается в исправительной школе для таких, как она. А потом Люс влюбляется! И хотя Дэниел старательно избегает ее, советуя держаться от него подальше, с каждым днем в Люс крепнет уверенность, что они когда-то уже встречались... Во что бы то ни стало Люс должна выяснить, какой секрет Дэниел хранит в своем сердце...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84 (7 Coe)-44

ISBN 978-5-17-096607-3

© 2009 by Tinderbox Books, LLC and Lauren Kate
© И. Смирнова, перевод на русский язык, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

Но рай заперт..
Мы должны обогнуть мир и посмотреть,
нет ли лазейки где-нибудь сзади.

*Генрих фон Клейст,
«О театре марионеток»*

В начале

*Хельстон, Англия
Сентябрь 1854 года*

Примерно к полуночи ее глаза наконец-то стали такими, как он хотел. Взгляд их был кошачьим, решительным, осторожным и полным тревоги. Да, глаза получились именно такими, как было задумано. Взлетающими к тонким изящным бровям. Тяжелая волна темных волос обрамляла высокий лоб.

Он отодвинул листок на расстояние вытянутой руки. Работать, не видя ее перед собой, было трудно, но он не смог бы рисовать в ее присутствии. С тех пор, как он прибыл из Лондона... Нет, с тех пор, как впервые ее увидел, приходилось постоянно быть настороже, соблюдать дистанцию.

С каждым днем она все больше приближалась к нему, и каждый день был труднее предыдущего. Вот почему утром он уедет в Индию или в одну из Америк. Куда именно, он не знал и знать не хотел. Где бы он в итоге ни оказался, там будет проще, чем здесь.

Он вновь склонился над рисунком и со вздохом поправил большим пальцем смазанный изгиб полной нижней губы. Мертвая бумага, безжалостная само-

званка, оказалась единственной, кто поможет увезти ее с собой.

Выпрямившись в кресле, он ощутил тепло, разливающееся чуть ниже затылка. *Это она.*

Он ощущал ее близость, словно облако жара от горящего бревна, рассыпающегося искрами. Даже не оборачиваясь, он знал: она здесь. Он захлопнул альбом, скрывая изображение, но сбежать от нее самой не мог.

Его взгляд упал на стоявший напротив диван с обивкой цвета слоновой кости. Она в розовом шелковом платье сидела на нем всего несколько часов назад, появившись неожиданно, позже, чем все остальные, аплодируя прелестной пьесе для клавирина, которую исполняла старшая дочь хозяев дома. Он посмотрел в окно, выходящее на веранду, где накануне она подкралась к нему с букетом диких белых пионов в руке. Она все еще думала, что влечение, которое испытывает к нему, невинно, а частые встречи в беседке — всего лишь счастливое совпадение. Какая наивность! Но он никогда не откроет ей глаза. Бремя этой тайны нести ему одному.

Он встал и обернулся, оставив альбом в кресле. Ее фигура в простеньком белом пеньюаре отчетливо проступала на фоне алой бархатной портьеры. Черные волосы выбились из прически. Выражение лица было в точности таким, какое он столько раз рисовал. На щеках разгорался жаркий румянец. Она рассержена? Смущена? Он мечтал узнать, но не смел спросить.

— Что вы здесь делаете?

Он услышал раздражение в собственном голосе и пожалел об этом, ведь она не поймет, отчего он так резок с ней.

— Я... не могла заснуть, — запинаясь, сказала она, подходя ближе к огню. — Увидела свет в вашей комнате, а потом... — Она помедлила, рассматривая свои руки. — Ваш сундук за дверью. Вы уезжаете?

— Я как раз собирался вам сказать...

Лгать не имело смысла. А правды он ей не открывает. Ведь это все осложнит. Он и так позволил ей зайти слишком далеко, надеясь, что на этот раз все будет иначе.

Она шагнула ближе, устремив взгляд в раскрывшийся альбом.

— Вы рисовали меня?

Изумление в ее голосе напомнило ему, как глубока пропасть между ними. Они провели вместе несколько недель, но она все еще не замечала истинной природы их взаимного притяжения.

И это хорошо. Или, по крайней мере, к лучшему. В последние дни, решившись уехать, он старался отдалиться от нее. Эти усилия отбирали столько сил, что стоило остаться в одиночестве, как он уступал неистовому желанию рисовать ее. Он заполнил целый альбом изгибами ее шеи, мраморными ключицами, копной черных волос.

Он смотрел на набросок, ничуть не смущенный тем, что его застали за рисованием ее портрета. Он содрогнулся, понимая, что, если она узнает о его чувствах, это погубит ее. Нужно быть осторожнее. *Это* всегда начиналось именно так.

— Теплое молоко с ложкой патоки, — пробормотал он, по-прежнему стоя к ней спиной, и грустно добавил: — Это поможет вам уснуть.

— Как странно! Именно к этому средству обычно прибегала моя мать...

— Я знаю, — ответил он, оборачиваясь.

Он знал, что она удивится, хотя и не смог бы ничего объяснить, поведать о том, сколько раз предлагал ей подобное питье, когда являлись тени, и он держал ее в объятиях до тех пор, пока она не засыпала.

Ее прикосновение словно прожгло его рубашку. Ладонь мягко легла ему на плечо. У него перехватило дыхание. В этой жизни они еще ни разу не дотрагивались друг до друга, а первое прикосновение всегда действовало на него именно так.

— Скажите же мне, — прошептала она, — вы уезжаете?

— Да.

— Возьмите меня с собой! — выпалила она.

И тут же задохнулась, мгновенно пожалев, что не сможет забрать свою просьбу обратно. Он видел, как меняются ее чувства: пылкость, смущение и, наконец, стыд за собственную дерзость. С ней всегда бывало так, и слишком много раз он уже совершал одну и ту же ошибку, утешая ее в этот самый миг.

— Нет, — шепнул он. — Я отплываю завтра. И если я вам небезразличен, вы не произнесете больше ни слова.

— Если вы мне небезразличны, — эхом отозвалась она. — Я... я люблю.

— Остановитесь.

— Но я должна сказать! Я люблю вас и уверена в этом. Вы должны верить мне! И если вы уедете...

— Если я уеду, этим спасу вам жизнь, — медленно проговорил он, желая пробудить ее память. Но возможно ли это? — Существуют вещи важнее любви. Вы не поймете, однако вам придется поверить мне.

Впившись в него взглядом, она отступила на шаг и скрестила на груди руки. И это тоже его вина. Разговаривая снисходительно, он всегда пробуждал в ней высокомерие.

— Вы хотите сказать, что существует нечто важнее любви? — Она взяла его за руки и приблизила их к своему сердцу.

О, как бы ему хотелось оказаться на ее месте, не ведая о том, что надвигается! Или хотя бы стать сильнее, остановить ее. Если он ей не помешает, она так никогда и не узнает, а прошлое повторится, терзая их снова и снова.

Знакомое тепло ее кожи заставило его запрокинуть голову и застонать. Он боролся с собой, пытался не вспоминать вкус ее губ. Не думать, насколько ему горько оттого, что всему этому суждено закончиться. Она поглаживала его руки. Сквозь тонкую хлопковую ткань он чувствовал, как бьется ее сердце.

Она права. Нет ничего важнее любви. И никогда не было. Он почти сдался, готовый уступить и заключить ее в объятия, когда заметил выражение ее глаз. Словно она увидела призрака.

Она отстранилась и, прижав ладонь ко лбу, прошептала:

— У меня какое-то странное ощущение.

Нет! Неужели слишком поздно?

Ее глаза сузились так же, как на его рисунке, она вновь прильнула к нему, положив ладони ему на грудь, приоткрыв в ожидании губы.

— Можете считать меня безумной, но готова поклясться, что уже бывала здесь раньше.

Значит, и впрямь слишком поздно. Он открыл глаза и, содрогнувшись, ощутил, как надвигается тьма. Он ухватился за последнюю возможность обнять ее, прижать к себе так сильно, как мечтал неделями.

Едва их губы слились, как оба оказались беспомощны. От привкуса жимолости в ее дыхании у него кружилась голова. Чем теснее она прижималась к нему, тем сильнее все у него внутри сжималось от мучи-

тельного трепета. Она скользила по его языку своим, пламя между ними разгоралось ярче, жарче, сильнее с каждым новым касанием, каждым новым открытием. Хотя ни одно из них не было новым.

Стены комнаты задрожали. Воздух вокруг засиял.

Она ни на что не обращала внимания, ничего не замечала, кроме поцелуя.

Только он один знал, что вот-вот произойдет. Знал, что темные призраки в любую секунду обрушатся на них. Он снова не сумел изменить течение их жизни, но знал.

Тени кружились прямо у них над головами. Так близко, что он мог бы их коснуться. Так близко, что он гадал, слышит ли она их шепот. Он видел, как омрачилось ее лицо. На миг различил искру узнавания, вспыхнувшую в ее глазах.

Затем все исчезло. Не стало ничего. Совсем.

Глава 1

Совершенно гурские

Люс влетела в холл школы «Меч и Крест», освещенный лампами дневного света, на десять минут позже, чем следовало. Краснолицый бритоголовый накачанный воспитатель, зажав планшет под мышечным бицепсом, уже всюду вещал. Это означало, что она опоздала.

— Запомните три «К» — койки, камеры, колеса! — рявкнул воспитатель, обращаясь к трем ученикам, стоявшим спиной к Люс. — Не забывайте о главном, и никто не пострадает!

Она поспешно подошла к ним и встала сзади, одновременно пытаясь сообразить, правильно ли заполнила гигантскую стопку бумаг, мужчина или женщина этот воспитатель, поможет ли ей кто-нибудь тащить дальше огромную спортивную сумку и не избавятся ли родители от ее любимого «плимута фьюри», как только вернутся домой. Они все лето грозились его продать, а теперь у них появился весомый аргумент, с которым Люс вряд ли могла поспорить: в новой школе ученикам запрещено иметь машину. В ее новой *исправительной* школе.

Она все еще пыталась привыкнуть к этому.

— Не могли бы вы, э-э-э... Не могли бы вы повторить, что это за «колеса»?

— Вы только посмотрите, кого к нам ветром занесло, — громко объявил воспитатель и продолжил, медленно и отчетливо выговаривая слова: — *Колеса*. Если ты из тех, кому требуются таблетки, чтобы оставаться под кайфом или в своем уме, дышать и тому подобное, — добро пожаловать в лазарет.

«*Это женщина*», — решила Люс, внимательно разглядывая воспитателя. Ни один мужчина не смог бы произнести это так слащаво и язвительно.

— Ясно, — кивнула она, а ее желудок подскочил к горлу.

Она уже много лет не принимала никаких лекарств. Однако после летнего происшествия доктор Сэнфорд, врач в Хопкинтоне, а именно по его рекомендации родители отправили ее в школу-интернат в Нью-Гэмпшире, всерьез задумался, не стоит ли снова начать лечение таблетками. Люс удалось убедить его, что с ней все в порядке, но все равно пришлось целый месяц ходить к нему на сеансы психоанализа, чтобы впредь обходиться без этих ужасных нейролептиков.

Вот почему она появилась в старшем классе школы «Меч и Крест» спустя целый месяц после начала учебного года. Быть новенькой и так непросто, а Люс изнывала от беспокойства из-за того, что придется вливаться в класс, где все уже успели перезнакомиться и привыкнуть к новому месту. Но, судя по всему, она на сегодня не единственный новичок.

Девушка покосилась на учеников, стоявших рядом с ней. В прежней школе во время обзорной экскурсии по территории она познакомилась с Келли, своей будущей лучшей подругой. Остальные

были знакомы друг с другом чуть не с пеленок. А им хватило и того, что они оказались единственными, кому не светило получить крупное наследство. Более того, вскоре выяснилось, что Келли и Люс страстно увлекаются старыми фильмами, особенно с участием Альберта Финни. В первый же раз, собравшись посмотреть «Двое в пути», они обнаружили, что ни одна из них не способна приготовить попкорн так, чтобы не сработала пожарная сигнализация. С тех пор они стали неразлучны. Правда, пока все-таки не пришлось разлучиться.

Сейчас рядом с Люс стояли два юноши и девушка, с которой все было ясно с первого взгляда — хорошенькая блондинка, словно с рекламного ролика косметики, с бледно-розовыми ухоженными ноготками в тон пластиковому ободку для волос.

— Я Габби, — растягивая слова, сообщила она, сверкнув широкой улыбкой, исчезнувшей с ее лица так же быстро, как она и появилась. Раньше, чем Люс успела назвать свое имя.

Такое поведение больше напоминало южную версию девочек из Довера, чем то, что она ожидала встретить в «Мече и Кресте». Люс не знала, успокаивает ее это или нет, и не могла вообразить, как такая девушка, как Гэби, умудрилась оказаться в исправительной школе.

Справа от Люс стоял паренек с короткими каштановыми волосами, карими глазами и россыпью редких веснушек на носу. То, как он избегал даже ее взгляда, упорно теребя заусенец на большом пальце, создавало впечатление, будто он, подобно ей самой, до сих пор ошеломлен и смущен тем, что оказался здесь.

Зато второй, тот, что слева, даже несколько излишне соответствовал представлению Люс об этом месте. Высокий и худощавый, с диджейской сумкой

на плече, взъерошенными черными волосами, большими, глубоко посаженными зелеными глазами и полными губами естественного розового цвета, за который большинство девушек пошли бы на убийство. На светлой коже у основания шеи едва ли не пылала черная татуировка в форме лучистого солнца, восходящего из-за ворота черной же футболки.

В отличие от остальных двоих, он, обернувшись и встретившись с ней взглядом, не отвел глаза. Рот был твердо сжат до прямой черточки, зато глаза оставались теплыми и живыми. Он уставился на нее, стоя неподвижно, будто статуя, отчего Люс словно примерзла к месту, глубоко вздохнув. Этот взгляд показался ей напряженным, притягательным и, что уж греха таить, слегка обезоруживающим.

Шумно прочистив горло, воспитательница прервала затянувшееся молчание.

Люс залилась румянцем и притворилась, что всецело поглощена внезапно зачесавшейся головой.

— Те из вас, кто уже вошел в курс дела, могут быть свободны, только пусть выгрузят все лишнее, — сообщила она, кивнув на большую картонную коробку под табличкой, на которой крупными черными буквами значилось: «Запрещенные предметы». — А говоря «свободны», Тодд, — она положила ладонь на плечо веснушчатого паренька так, что тот подпрыгнул, — я имею в виду то, что по правилам школы вы обязаны встретиться с предписанными провожатыми из числа учащихся. А ты, — она указала на Люс, — выгрузишь все лишнее и останешься здесь.

Ученики собрались вокруг коробки. Люс озадаченно наблюдала, как они выворачивают карманы.

Габби вытащила трехдюймовый швейцарский армейский нож. Розовый.

Зеленоглазый нехотя выложил баллончик с краской и нож для разрезания бумаги.

Даже у злополучного Тодда нашлись несколько книжечек картонных спичек и небольшая емкость с горючей жидкостью.

Люс чувствовала себя неловко оттого, что не прятала что-нибудь запретное, однако изумленно задохнулась, увидев, как ребята, порывшись в карманах, швыряют в коробку сотовые телефоны.

Подавшись вперед, чтобы ближе рассмотреть табличку «Запрещенные предметы», она убедилась, что мобильники, пейджеры и прочие двусторонние радиоустройства правилами не допускаются. Ей и так уже не позволили оставить машину! Люс вспотевшей ладонью сжала в кармане сотовый — единственную связь с внешним миром. Когда воспитательница увидела выражение ее лица, она схлопотала несколько торопливых пощечин.

— Не падай при мне в обморок, детка, я недостаточно зарабатываю, чтобы еще и приводить кого-то в чувство. Кроме того, тебе полагается один телефонный звонок в неделю из главного вестибюля.

Один звонок в неделю? Но...

Она бросила прощальный взгляд на свой сотовый и заметила два новых сообщения. Казалось невозможным, что они станут последними. Первое прислала Келли.

«Перезвони немедленно! Буду ждать у телефона всю ночь, так что готовься хитрить. И помни мантру, что я тебе прописала. Ты выживешь! Кстати, хотя и не ручаюсь, но я думаю, что все уже совершенно забыли о...»

Келли, как обычно, распиналась так долго, что мобильник оборвал сообщение на четвертой строке. Люс даже ощутила нечто похожее на облегчение. Не

хотелось читать, как в прежней школе все забыли о том, что с ней случилось и о том, что она сотворила в том месте даже с самой землей.

Она вздохнула и принялась читать следующую эсэмэску. От мамы, которая лишь недавно научилась отправлять текстовые сообщения и наверняка ничего не знает насчет звонков раз в неделю, иначе никогда бы не оставила здесь дочь. Ведь правда?

«Малыш, мы думаем о тебе. Веди себя хорошо, ешь больше белка. Поговорим, когда сможем. Любим тебя, мама и папа».

Люс вздохнула и подумала, что родители *не могли* не знать. А как еще объяснить их унылые лица, когда она утром помахала им, стоя у школьных ворот, сжимая в руке спортивную сумку? За завтраком она еще пыталась шутить о том, как наконец избавится от жуткого новоанглийского акцента, который подцепила в Довере, но мама с папой даже не улыбнулись. Она-то думала, что они все еще сердятся. Они никогда не повышали голос, и Люс твердо знала: если когда-нибудь совершит действительно серьезный промах, они будут говорить с ней так же спокойно. Теперь она поняла, почему родители так странно вели себя сегодня утром. Просто сокрушались о том, что лишены любой связи с дочерью.

— Мы тут ждем кое-кого, — пропела воспитательница. — Ума не приложу, кто бы это мог быть.

Внимание Люс резко вернулось к коробке для запрещенных предметов, уже переполненной контрабандой. Некоторые предметы она даже не смогла опознать. Она кожей ощущала на себе пристальный взгляд темноволосого парня. А подняв глаза, отметила, что на нее смотрят *все*. Ясно, ее очередь. Она зажмурилась и медленно разжала пальцы. Телефон выскользнул из ладони и, уныло клацнув, упал на вер-